

397. Н. А. ДОБРОЛЮБОВУ

18 июля 1860. Москва

Москва. 18 июля.

Часа три тому назад получил Ваше письмо, утешительного в нем немного. Эх! постарался человек уходить себя. Это поскорей моего! Но коли дело поправимое, то надо поправлять. Прежде всего отвечаю на Ваш вопрос: приезжать или оставаться! Остаться за границей — вот мой ответ, а Вы при этом помните Ваши слова, следующие за вопросом: я положусь на ваше решение. Итак, это дело конченное. Я, признаться, думал, что оно кончено еще предыдущим моим письмом,¹ где я положительно этот вопрос оставлял на Вашу волю, — да с Вами вдруг не решишь. Знаете, эта нерешительность происходит от болезненного состояния Ваших нерв; когда они развинтятся, то человек всему придает вдвое больше важности. Я это испытывал, и до готовности плакать у меня доходило, и от героических поступков был на шаг, или, лучше сказать, глупостей, и то задумывалось, что завтра представлялось не могущим забрести в голову. Как только такое пойдет в голову или слезы начнут подступать — надо сейчас успокоиться физически — лечь и полежать полчаса неподвижно, потом поесть, а если уж совсем не хочется, то книгу взять, впрочем, есть должно иногда и насильно начинать. И помнить, что все на свете, начиная с жизни, не так серьезно, как кажется, что люди большею частью, да и мы сами, легкомысленны, что все перемалывается и что на все должно смотреть с нескольких сторон, а только не всегда смотрится, оттого и человек уходит в мрак и спутывается. — Это опыт быть полезным другому своею опытностью по части расстроенных нерв — не знаю, удастся ли он. Теперь dokonчу о деле, которое Вас особенно устрашает, о деньгах. Я, если б Вас меньше знал, то мог бы даже рассердиться. За кого же Вы нас принимаете? Я уже сам не раз говорил, что Ваше вступление в «Современник» принесло ему столько пользы (доказанной цифрой подписи (иков) в послед(ние) годы), что нам трудно и сосчитаться, и во всяком случае мы у Вас в долгу, а не Вы у нас. Счеты пойдут тогда, когда почему-нибудь наши дела упадут: тогда, конечно, Вы будете получать меньше, хоть работать и больше. Какие же иные могут быть между нами условия и отношения? Итак, единственная мера в настоящем случае — возможность, а я уже Вам сказал, что Вы можете в нынешнем году получить до б т(ысяч) р(ублей) с(еребром). Что до необходимого, то и говорить нечего — да, наконец, чтоб^{1*} успокоить Вас по этой части, скажу Вам, что в нынешнем году я выиграл до 60 т(ысяч), из коих наличными 35 и на заемные письма 25. Из наличных у меня до 25 т(ысяч) в руках сию минуту. Куда Вам прислать денег и кому здесь дать? Пишите. Ну! надоела эта материя!

Что бы Вам написать? Да хорошего немного. Старый я дурак возмечтал о каком-то сердечном обновлении.² И точно четыре дня у меня малиновки пели на душе. Право! как было хорошо. То-то бы так осталось — да не осталось. Во 1-х, девушка хоть не ангел или ангел падший — да, к несчастью^{2*} моему, оказалась порядочной женщиной — вот и беда! Еще и жертва тут подвернулась, в ее положении не пустая — польстилась на мои сладкие речи — а я куда как был красноречив! — она бросила человека, который ее обеспечивал (дуре-то всего 19(-й) год — это так скоро свертел ось, что я и не ожидал, а то бы, я думаю, сам отговорил ее). Ну а теперь уже бродит мысль, зачем я все это затеял? Только и отрады, что деньгами, авось, развяжусь. Зачем я сию теперь в Москве, как думаете? Был я с моим ангелом в деревне и весело охотился, да простудился, а у меня во рту сделалось нечто прегнусное — жар, слюна лезет, как из сапатов лошади, боль. Черт знает что это. Боюсь, не отрывка ли опять старого? Так как я много съел Меркурию,³ то, говорят, это он теперь гуляет. И я лечусь, а ангел кротко и любовно скучает около меня — жарница при этом страшная, ни пить, ни есть — ничего и не думай, выходить тоже нельзя. Ну что тут хорошего? Согласитесь, не стоит и поздравлять с ангелом! Право, не знаю, чье положение лучше. Впрочем, одному хуже. Самый, так сказать, неважный ангел за границей очень много значит, и я приписываю большую часть Вашей хандры одиночеству. Знаете ли, очень может быть, что я к Вам приеду — куда только ангела деть, да возьму с собою. — Напишите мне что-нибудь об Ав(дотье) Як(овлевне).⁴ Вы, верно, ее скоро встретите; если она огорчена, то утешьте ее как-нибудь: надо Вам сказать, что я ей кратко, но прямо написал о своих новых отношениях. Ведь надо ж было! — хоть эти новые отношения

едва ли прочны. — Я очень чувствителен. Она не жалела меня любящего и умирающего, а мне ее жаль (а почему я, дурак, знаю — может быть — и вероятно — она приняла мое известие спокойно и только позлилась!). Я уж четвертый год все решаюсь, а сознание, что не должно нам вместе жить, когда тянет меня к другим женщинам, во мне постоянно говорило. Не желал бы, однако, да и не могу стать вовсе ей чуждым. Странное дело! Без сомненья, наиболее зла сделала мне эта женщина, а я только минутами на нее могу сердиться. Нет злости серьезной, нет даже спокойного презрения. Это, что ли, любовь? Черт бы ее взял! Когда ж она умрет! Я начинаю злиться. Сколько у меня было души, страсти, характера и нравственной силы — все этой женщине я отдал, все она взяла, не поняв (в пору по крайней мере), что таких вещей даром не берут, — вот теперь и черт знает к чему все пришло. Ну, да будет. Я сполоснул рот какой-то вяжущей гадостью, и во рту стало так же скверно, как на душе. Карта-спасительница, зачем ты летом не в ходу? Знаете, Добролюбов, что скверно, — у меня нет никакой силенки делать дело, так что ж — все в карты? Меня берет некоторый страх, и чувство гадливости проходит по мне, словно я гляжу на что-то скверное, а гляжу-то я на себя в эту минуту. Вот и мои нервы дошли до того, что надо лежать, а потом есть или читать. Прощайте.

По-моему, любая из статей, которые Вы называли,⁵ годится. Присылайте хоть все. Завтра пошлю вторую половину Вашего письма к Черныш(евскому) — он Вам напишет.⁶ Будьте здоровы. Адресуйте мне в Петербург.

Весь Ваш

Некрасов.

Статья Ваша о Плещееве⁷ получена еще при мне.

Примечания

Подлинник: РГАЛИ, ф. 166, оп. 1, N 67, л. 1—4.

Впервые: частично — Современный мир, 1911, № 11, с. 197; ЛН, т. 53—54, с. 130; полностью — ПСС, т. X, с. 420—423.

Ответ на письмо Добролюбова к Некрасову от 8(20) июня 1860 г. (см.: Добролюбов, т. IX, с. 425—426).

¹ Имеется в виду п. 396.

² Ср. п. 396.

³ Меркурий — название ртути у алхимика. Симптомы болезни, описываемой Некрасовым, — симптомы меркуриализма, профессиональной болезни — отравления металлической ртутью и ее соединениями, связанного, очевидно, с тем, что Некрасов постоянно имел дело с типографиями и свежей типографской продукцией.

⁴ Имеется в виду А. Я. Панаева, находившаяся в это время во Франции (Диепп). По приезде в Диепп в первой половине августа Добролюбов уже не застал там Панаеву (см.: Добролюбов, т. IX, с. 438).

⁵ В письме Некрасову от 8(20) июня 1860 г. Добролюбов писал: «Кое-что напишу о делах. Прилагаю для этого особенный листок» (Добролюбов, т. IX, с. 427). На этом ныне утраченном листке, очевидно, были названия статей, предлагаемых для «Современника».

⁶ См. письмо Чернышевского к Добролюбову от 2 августа 1860 г. (Чернышевский, т. XIV, с. 401—402).

⁷ Имеется в виду статья Добролюбова «Благонамеренность и деятельность», помещенная в № 7 «Современника» за 1860 г.

^{1*} Далее было: убедить

^{2*} Было: к сожалению